

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РСФСР ПО ДЕЛАМ НАУКИ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО

На правах рукописи

ГОЛЕВ Николай Данилович

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора филологических наук

Свердловск 1991

Работа выполнена на кафедре современного русского языка Алтайского государственного университета.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор филологических наук, профессор КОПЫЛЕНКО М.М.,

доктор филологических наук, профессор МУРЗИН Л.Н.,

доктор филологических наук, профессор ЯНЦЕНЕЦКАЯ М.Н.

ВЕДУЩЕЕ УЧРЕЖДЕНИЕ:

Университет Дружбы Народов имени П. Лумумбы

Защита состоится «.....» 1991 года в ... час. на заседании специализированного совета Д.063.78.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральском ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А.М. Горького (620083), Свердловск, К-83, пр. Ленина,51, аудитория 248).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Уральского университета

Автореферат разослан «.....» 1991 года

Ученый секретарь специализированного совета

доктор филологических наук, профессор

Н.А. Купина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Настоящее исследование является этапом достижения такой общей цели, как построение полной целостной модели лексической мотивации (ЛМ) в русском языке на функционально-динамических принципах, разработка соответствующей методики мотивологического анализа и описание на его основе всего корпуса лексико-мотивационного материала в русском языке.

Несмотря на значительное число работ, различным образом затрагивающих вопросы мотивационной динамики и длительную историю изучения некоторых из них, прежде всего связанных с проблемой возникновения имени (Платон, В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Г. Шпет и др.), большая группа таких вопросов до сих пор остается открытой. Но в последнее время наметились предпосылки для дальнейших шагов в данном направлении, главный фактор здесь – интенсивное развитие функциональной лингвистики.

«Динамизацию» русской мотивологии во многом определили ономазиологические и дериватологические исследования слова И.С. Торопцева, В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой, Л.Н. Мурзина, В.М. Никитевича, Л.В. Сахарного, В.М. Павлова, В.Г. Вариной, О.А. Габинской, М.С. Малеевой, М.А. Михайлова и др. Существенную роль сыграла активизация исследований в области словообразования, в частности, разработка вопросов синхронной словообразовательной мотивации (Г.О. Винокур, И.С. Улуханов, В.В. Лопатин, А.Н. Тихонов, А.Д. Зверев, И.А. Ширшов и др.), описание глубинных семантико-синтаксических оснований словообразовательных структур и отношений (Е. Л. Гинзбург, В.М. Павлов, Л.В. Сахарный, Л.Н. Мурзин, И.Б. Шатуновский и др.), изучение функционально-речевых особенностей производного слова (Е.С. Кубрякова, Г.С. Чинчлей, М.Н. Яценецкая, И.К. Архипов, В.Н. Виноградова и др.). Заметна в настоящее

время тенденция к сближению лексикологии и словообразования, в рамках которой обсуждается, например, вопрос о соотношении лексической и словообразовательной мотивации (Е.А. Земская, М.Н. Янценецкая, О.И. Блинова и др.). Закономерен в данной связи и растущий интерес лексикологов к динамическому (деривационно-мотивационному) аспекту лексики, в частности, к ее «третьему измерению» – эпидигматике, деривационно-ассоциативным отношениям (Д.Н. Шмелев, О.М. Соколов, О.И. Блинова, Н.А. Лукьянова, Е.А. Иванникова и др.).

Основная задача настоящего исследования – выявление и анализ синхронно-коммуникативных оснований ЛМ на материале ее разнообразных функционально-динамических проявлений в русском языке и речи и их (проявлений) синтез на данной основе.

Анализ литературы показывает, что ЛМ как синхронное явление с трудом поддается коммуникативной характеристике. Давнее положение А. А. Потебни о том, что мотивировочный признак (знак значения) «дает возможность в случае надобности остановиться на нем и постепенно привести его в сознание, но позволяет и не останавливаться», остается, по существу, не развернутым (особенно в первой части тезиса). Описание «надобности» в ЛМ по-прежнему осуществляется в самом общем виде, в основном, с помощью метафор. Не случайно возникает мнение, что «мотивированность», «словообразовательная мотивация» и т.п. – нетерминологизированные лексемы, не имеющие четких определений (Б. А. Зильберг, Е.С. Кубрякова и др.). Имеющиеся суждения о коммуникативной функции ЛМ противоречивы. Так, например, известно положение о том, что ЛМ исчерпывает себя актом создания слова и далее лишь мешает его функционированию, поэтому имеет тенденцию забываться, но столь же часты противоположные утверждения о том, что ЛМ нужна в слове именно для того, чтобы слово было легко запомнить (вспомнить) «для быстроты мысли и

расширения сознания» (А.А. Потебня); тезису о функциональном расхождении ЛМ и значения слова противостоит тезис о возможности позитивного влияния первого на второе (Д.Н. Шмелев). Серьезны противоречия в понимании речевой роли морфем (морфемно-мотивационного плана слова); из тезиса о высокой продуктивности пословного порождения речи нередко делается вывод об ограниченности действия механизма поморфемного порождения слов, о периферийности проявлений актуализации морфемно-мотивационных структур и отношений слов на их основе в речи; не случайно в современной дериватологии остается незамеченной глубокая идея В. Гумбольдта о непрерывной реализации словообразовательной потенции языка – не только при образовании новых слов и словоформ, но и при повседневном речепотреблении готовых слов.

Неразработанность коммуникативной стороны ЛМ тесно связана с центробежными тенденциями в мотивологии. Различные ее участки нередко оказываются не соотнесенными друг с другом, развиваются изолированно. Так, например, никак не скоординированы между собой многочисленные описания мотивировочных признаков в различных тематических группах лексики, исследования в области словообразовательной мотивации или внутритекстовых мотивационных отношений и т.д. Из этого вытекает актуальность интеграции ЛМ в целостное понятие.

В этой же связи возникает важная проблема взаимоотношений различных сторон (планов) ЛМ, которые объективно (со)существуют как единство (и борьба) противоположностей, но в мотивологии обычно рассматриваются вне связей друг с другом. Прежде всего это касается «разрыва» ЛМ, действующей в сфере создания слова и в сфере функционирования готового мотивата. Данные сферы нередко противопоставляются друг другу (например, в концепции И.С. Торопцева), хотя по существу образование нового слова в речи является частным случаем

действия речевого деривационного механизма. Вне связи с речевым функционированием, как правило, рассматриваются языковые (онтологические) проявления ЛМ, не обсуждаются вопросы речевого статуса таких, например, мотивологических понятий, как направление словообразовательной мотивации или однокорневость. Остаются открытыми вопросы типа: кому и для чего нужно, чтобы мотиваты воспринимались как образованные в прошлом от других однокорневых слов (известное определение словообразовательной мотивации), что значит в функционально-речевом смысле понятие «членимость слова» и т.д.?

Отмеченные моменты имеют прямое отношение к непосредственному предмету исследования реферируемой работы – тенденции к мотивированности (ТМ) в лексике русского языка, рассматриваемой в единстве (и борьбе) с тенденцией к немотивированности (ТН). Механизм их взаимодействия до настоящего времени еще не изучен в достаточной мере. Ф. де Соссюр, введший данные понятия, противопоставлял ТМ и ТН в динамическом аспекте, выводя их из склонности языка к конструированию слов (ТМ) и употреблению готовых слов (ТН). В дальнейшем, однако, изучение данных оппозиций свелось преимущественно к статико-онтологическому аспекту – к подсчету количества мотивированных и немотивированных слов в словарных составах различных языков. Здесь необходима существенная корректировка: с одной стороны, границы между конструируемым и готовым в лексике нечетки, критерии их разграничения и тем более градации промежуточной зоны в достаточной мере не разработаны (отсюда разноречивые результаты подсчетов), с другой стороны, онтологическая мотивированность неоднозначно соотносится с рельефным функционированием мотивата в речи.

Во многих работах ТМ связывается в основном с факторами, действующими (проявляющимися) весьма нерегулярно или имеющими

периферийный статус в языке и речи (окказиональные новообразования, народная этимология, спорадическая актуализация морфем основы в речи, стилистические «оживления» внутренней формы в экспрессивных целях, преодоление помех в порождении и восприятии мотиватов). Необходимо возникает вопрос, каким образом ТМ сохраняет устойчивое динамическое равновесие с ТН, регулярность действия и массовость проявлений которой очевидны. Поиск необходимых условий регулярного включения морфемно-мотивационного механизма, обеспечивающих непрерывность действия ТМ, – одна из наиболее актуальных задач функциональной мотивологии.

Теоретическая значимость и научная новизна исследования.

Реферируемая работа – первое монографическое исследование, в котором синтезируются в рамках целостной модели разнообразные регулярные функционально-динамические проявления ЛМ, составляющие в совокупности ТМ в лексике современного русского языка. Одни из таких проявлений стали традиционным предметом русской мотивологии, они получают в работе новое освещение и дополняются новым содержанием (мотивировка лексических новообразований, демотивация и ремотивация, морфологическая и семантическая формы мотивированности, мотивационное значение, идиоматизация, актуализация морфем и мотивационных отношений и др.), другие выделены и охарактеризованы в работе впервые (непрерывный деривационно-мотивационный процесс, горизонтальная и вертикальная формы деривации/мотивации, детерминационные отношения эпидигматов в тексте, перспективное и ретроспективное направления мотивационных процессов, потенциал функционирования мотивата и мотиватора, аналогическое действие содержательных мотивем, эпидигматические ассоциации и др.).

На защиту выносятся следующие теоретические положения, характеризующие особенности названной модели М, ее отдельные стороны и важнейшие проявления в русском языке и речи.

1. Главная функция ЛМ – суппозиционное обеспечение регулярных процессов деривации лексических единиц (новообразуемых или готовых). Данная функция вытекает из необходимости в опоре при образовании нового (в широком смысле этого термина) на предшествующие (старые, известные) единицы, выступающие по отношению к первым как суппозиции. Суппозиционная функция носит коммуникативный характер, так как вытекает из необходимости говорящего быть понятым адресатом, в силу чего он (говорящий) вынужден «опираться на то, что известно его адресатам» (Б. В. Якушин). В современных языках такого рода опора достигает статуса регулярного условно-технического приема.

Коммуникативно-суппозиционная функция является универсальной, она пронизывает и связывает разнообразные планы и уровни ЛМ, включает ее в универсальные деривационные процессы в языке. Ее синтезирующие возможности, определяемые приматом коммуникативной функции над другими языковыми функциями, велики, поэтому выбор ее в качестве основания для построения целостной модели ЛМ закономерен и имеет перспективы в мотивологических исследованиях лексики.

Суппозиционная функция вводит ЛМ в синхронный непрерывный деривационно-мотивационный процесс (НДМП), составляющий стержень мотивационной динамики в лексике.

2. Сущность НДМП определяется постоянной потребностью в осуществлении актов речевой деривации/мотивации различных, в том числе лексических, единиц, в формировании на этой основе соответствующего языкового механизма и его регулярной реализации.

В основании данного процесса лежат самые общие принципы устройства и «жизнедеятельности» языка: стремление формы и содержания к взаимосоответствию, порождающее изоморфизм процессов формальной и семантической деривации (ср. у В. Гумбольдта: «...Нельзя никоим образом...

отделять обозначающие силы и силы, создающие обозначаемые»), стремление к взаимодействию, соответствию и единству речевых и языковых, синтаксических и лексических структур и отношений, взаимодействию непрерывного и дискретного начал языка (в лексике их представляют мотивированные и немотивированные слова); взаимодействие старого и нового (новое как результат функционирования некоторых исходных элементов) и другие моменты. В реферируемой работе эти слагаемые анализируются на разнообразном, активно функционирующем лексическом материале, тем самым обосновывается наличие у ТМ в русской лексике постоянно действующей динамической основы.

3. ЛМ, в течение длительного времени организуемая необходимостью осуществления деривации слов, представляет собой в настоящее время относительно самостоятельное, целостное функциональное образование в языке со своим специфическим набором единиц, правил их использования и т.п. Они тесно взаимодействуют с единицами и правилами других уровней, которые нередко передают им свои элементы и свойства, изменяющиеся в силу изменения функции (таковы, например, изменения слова, становящегося мотиватором, а затем мотивирующей базой. В числе единиц ЛМ в работе рассматриваются: мотив/мотивема, мотивировочный признак, мотивирующая база, мотивант, мотивационное значение, детерминационная сема, формальная сема и др. Слово как носитель мотива является мотивированным словом, или мотиватором, слово как источник мотивирующей базы является мотиватором. Как всякие единицы языка, единицы ЛМ имеют виртуально-эмический и актуально-этический планы, определенные отношения с планом содержания и планом выражения, парадигматикой и синтагматикой, их речевые функции коррелируют с языковыми значениями и т.д.

4. Речевое функционирование единиц мотивации в составе мотивата или мотиватора является основанием для формирования у слова

соответствующего потенциала функционирования. Каждое слово может выступить в роли мотиватора, многие слова – в роли мотивата (как источника ретроспективной мотивации, так и объекта перспективной мотивации). Такого рода потенциал слова коррелирует с его онтологическими характеристиками (членимостью, словообразовательной мотивированностью и др.), но не накладывается на них полностью: они составляют для него существенные предпосылки реализации, но сама реализация зависит также от многих других условий, не связанных прямо с онтологическими свойствами слова.

5. Важнейшей функцией единиц морфемно-мотивационного плана в лексике является системообразующая функция. Она имеет сложную природу, отражающую как генетические истоки слова и лексической системы в целом, так и его (ее) синхронное функционирование.

Генетическую сторону системообразования, проявляющегося в плане создания слова, отражает тезис В. Гумбольдта: «Вполне естественно обозначать родственные понятия при помощи родственных звуков»; наиболее ярко системообразующие возможности морфемно-мотивационного плана в этом аспекте обнаруживаются в синхронных эпидигматических ассоциациях, сближениях исконно неродственных слов, фиксирующих обратное действие формулы В. Гумбольдта, ср. сближения типа ВОЗМЕЗДИЕ и МЕСТЬ, УНИЧИЖЕНИЕ и УНИЖЕНИЕ, СТОЛПОТВОРЕНИЕ и СТОЛПИТЬСЯ, ПОСЛУШНИК и ПОСЛУШНЫЙ (с переменной ударения у исходного члена), ИЗМОЖДЕННЫЙ и ИЗНЕМОЧЬ (ср. просторечное ИЗНЕМОЖДЕННЫЙ) и т.п.

Синхронная сторона системообразования в лексике наиболее полно проявляется в зависимости словарной эпидигматики от речевой, выполняющей системообразующую функцию в тексте (эпидигматические цепи как элементы развития темы): «Ты ПЕЧЕШЬСЯ о многом – оттого-то у

тебя все ПЕРЕПЕКАЕТСЯ или НЕДОПЕЧЕН» (М. Горький). Через лексические новообразования такие принципы развития темы проецируются на динамику словаря и отражаются в строении словарной эпидигматики, в которой находят проявления не только генетические основания (эпидигматические гнезда, объединяющие эпидигматы реально взаимодействующие в процессах деривации текста).

Основные методы исследования. Основные методы в работе – наблюдение и научное (логико-лингвистическое) описание.

Хорошо известна погруженность логико-лингвистической методики в диалектическую логику, с которой связаны ее основные оппозиции: синхрония – диахрония, язык – речь, содержание – форма, новое – старое и др. В настоящей работе борьба противоречий разных сторон, свойств, функций ЛМ, ЛМ с другими языковыми явлениями рассматривается как основной движущий фактор мотивационной динамики, понимаемой как самодвижение языка на одном из его участков, поэтому в основе описания лежат различные антиномии, в которые оказывается вовлеченной ЛМ как функционально-динамическое образование языка. В работе различаются внешние и внутренние антиномии (оппозиции) ЛМ.

К внутренним оппозициям ЛМ относятся оппозиции, определяемые противоречиями различных сторон самого исследуемого объекта. Прежде всего это различные «слагаемые» борьбы ТМ и ТН: производительность – воспроизводительность, непрерывное – дискретное, актуальность формы – незамечание формы и др. Противоречия порождают различные планы ЛМ, взаимодействующие между собой: абсолютный и относительный планы – соответственно взаимоотношения означаемого и означающего (содержания и формы) слова и взаимоотношения слова с различными самостоятельными единицами языка, один из которых представлен как мотиватор, другой – как мотиват; план создания и план функционирования мотивированного слова;

непосредственное (отражательное) и опосредованное (условно-техническое) содержание ЛМ; лексико-мотивационный и морфемно-мотивационный планы мотивата.

Внешние оппозиции ЛМ, фиксирующие ее положение и отношения с другими, смежными, явлениями языка, имеют большое значение для понимания генезиса мотивации и ее синхронного статуса.

В работе нашли применение и показали себя продуктивными следующие из них: оппозиция лексической мотивации и лексической деривации, внутренней и внешней формы, деривационно-мотивационных отношений (эпидигматики) и других типов отношений между словами, например, отношения тождества (ср. лексические повторы в тексте) или варьирования в пределах тождества, формально-семантической детерминации (собственно мотивации) и супплетивных детерминационных отношений и недетерминационных отношений слов. Особенно важно для понимания сущности ЛМ ее противопоставление мотивационным явлениям на других (на лексическом) уровнях языка, в первую очередь – на синтаксическом.

В динамическом аспекте приведенные выше оппозиции предполагают возможность движения форм ЛМ от одного полюса к другому и соответственно возможность градации такого движения. Например, оппозиция ТМ и ТН дает на выходе (на уровне результатов) бесконечно дробную синхронную шкалу степеней мотивированности слов. Такие шкалы допускают диахроническую интерпретацию, выявляющую одно из направлений развития ЛМ в отдельных словах и в ЛМ в целом, например, параметр «от непосредственного – к опосредованному» характеризует становление важнейшего свойства современных мотивационных систем. Градуирование внешних оппозиций показывает движение от немотивационных форм к мотивационным, от нелексических форм к

лексическим, от периферии ЛМ к ее ядру: например, противопоставление ЛМ ее нелексическим формам связано со степенью специализированности мотивантов (фонетических, синтаксических, неспециализированных лексических), которые стремятся к статусу ядерных форм мотивантов, специально обслуживающих деривацию/мотивацию лексических единиц (аффиксам).

Признаками антиномий, определяющих самодвижение ЛМ, обладают некоторые ее частные оппозиции, например, оппозиция вертикальной и горизонтальной форм ЛМ, рациональной и «естественной» мотивировки, морфологической и семантической мотивированности и др. Как правило, они также допускают построение шкал, отражающих направление синхронной (и диахронной) динамики ЛМ; каждая точка таких шкал отражает состояние, определенное взаимодействием противоположных тенденций.

Таким образом, общая методология описания мотивационной динамики в лексике конкретизируется в методике научной классификации языкового материала, которая выявляет внешние и внутренние факторы, определяющие названную динамику. Подобные классификации противопоставляются описательным классификациям, имеющим целью представить разнообразие форм явлений, и определяются как сущностные (С.С. Розова); они позволяют исследовать сам механизм (условия, причины, процессы), детерминирующий разнообразие форм.

Собственно лингвистические методы и приемы, направленные на изучение конкретного языкового материала, в настоящем исследовании разнообразны; в разных разделах работы применяются прием компонентного анализа семантики слов, этимологический, морфемный, словообразовательный анализ структуры слова, оппозиционные и позиционные приемы (В.И. Кодухов). При описании многих проявлений

динамики ЛМ использовались экспериментальная методика, выступающая как способ проверки версий и как прием получения языкового материала.

Материал, источники материала. В работе ставится задача интеграции разнообразных проявлений ЛМ в рамках ее целостной модели, поэтому мотивационный материал, привлекаемый в ней, по необходимости разнороден и разнопланов (речевой, языковой, синхронный, диахронный, лексический, контекстуальный, денотативная лексика, сигнификативная лексика и др.). Наиболее значимые группы материала следующие.

Доказательство реальности функционирования ЛМ, демонстрация разнообразия ее целей и средств в речи осуществлялось на текстовом материале. «Реальные» контексты с сильными признаками функционирования ЛМ (см. далее) извлекались из художественных и публицистических текстов 19-20 веков. Дифференцировать материал по видам речи или временным периодам для решения поставленных задач не было необходимости, так как объектом исследования выступал русский язык как некоторое единство (существенные различия отмечались специально). В итоге наша картотека насчитывала около 2000 «сильных» контекстов. В отдельных разделах работы для решения частных специфических задач мотивологическому анализу подвергались сплошные тексты (разделы: 3.3.3, 4.1, 4.3, 4.4.2.1, 4.4.2.3). Некоторые задачи решались на экспериментальном текстовом материале с заданными мотивационными свойствами, таким образом изучалась, например, роль смысловых ассоциаций в выборе мотивата, системообразующие возможности ЛМ (3.3.2, 3.3.3). Для исследования целевой предназначенности мотивировки в плане создания мотивата использовались данные большого ономаσιологического эксперимента, в котором испытуемым предлагалось назвать (в идее заполнения пропуска в соответствующем контексте с приложением рисунка) предметы, не имеющие в русском языке устойчивого названия (2.1.3).

Описание системообразующих свойств ЛМ в словарном составе русского языка, структурные свойства канонических слов и другие задачи осуществлялись на материале словарей русского языка: мотивационного, словообразовательного, словаря ассоциативных норм. Для других частных целей применялись частотный, этимологический, исторический словари русского языка.

Роль содержательных мотивов в развитии номинативных систем русского языка (3.3) исследовалась на материале денотативной лексики, извлекаемой из различных справочников.

Практическая значимость работы. Предложенная в работе функционально-динамическая модель показывает основные направления ее действия в русском языке, обосновывает методологическую специфику их разработки; тем самым создается координирующая база для дальнейшего многоаспектного изучения ЛМ, в том числе в направлении от интегрированной модели к дифференцированным (по разным основаниям). Разработанный научный аппарат, терминосистема и методика мотивологического анализа создает основания для практической проработки заявленных теоретических положений и дальнейшего их совершенствования.

Обоснованные в исследовании теоретические положения, собранный материал внедрены в практику преподавания в вузе: на их основе были разработаны спецкурсы и спецсеминары («Русская ономазиология», «Русская мотивология», «Морфемный и словообразовательный анализ»), проводимые автором в течение ряда лет в Алтайском университете, подготовлены и опубликованы учебные пособия по спецкурсу «Введение в теорию и практику морфемно-словообразовательного анализа» (Барнаул: изд. АГУ, 1980. – 124 с.), «Введение в теорию и практику мотивационного и структурного анализ» (Барнаул: изд. АГУ, 1981. – 89 с.). Теоретические и практические результаты работы могут быть использованы в общих курсах

современного русского языка и языкознания (в разделах «Словообразование» и «Лексика»).

Ряд положений работы может оказаться полезным в лексикографической практике – при составлении мотивационных, словообразовательных, паронимических словарей.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены автором на научных конференциях в 9 городах СССР: в Томске (1972, 1976, 1989), Новосибирске (1974, 1979, 1981, 1982), Свердловске (1984, 1987, 1988, 1990), Кемерово (1977, 1978, 1986), Перми (1988), Черновцах (1986), Красноярске (1976, 1978), Омске (1980, 1988), Тюмени (1981, 1990). По теме исследования опубликованы монография (16 п.л.), два учебных пособия (13 п.л.), 50 статей и тезисов докладов. Монография обсуждалась на кафедрах русского языка Томского и Алтайского университетов.

Структура работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии. Структура работы отражает движение ЛМ от плана создания мотивата к плану его речевого функционирования (2-4 главы), от речевого функционирования к языковой онтологии (5 глава). Глава 1 содержит общую характеристику ЛМ как объекта исследования и мотивологии как научной дисциплины.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Лексическая мотивация как объект лингвистического изучения» дает общую характеристику объекту и предмету исследования. Часть положений главы нашла отражение в первом разделе автореферата в связи с обоснованием актуальности темы, специфики ЛМ и особенностей функционально-динамического подхода при ее изучении. В главе данные вопросы представлены в развернутом виде.

В первой главе ставится задача очертить место исследуемого объекта в общей структуре языка. Деривационно-мотивационные процессы

универсальны, действуют на различных уровнях языка, обнаруживая межуровневые генетические связи и синхронно-изоморфные корреляции. Суппозиционная функция осуществляется не только на лексическом уровне, следовательно, ЛМ имеет как универсальные, так и специфические свойства.

Универсальность суппозиционной функции заключается в генетических связях, синхронном взаимодействии и изоморфизме строения различных мотивационных явлений. Ее проявления в лексике весьма многообразны. Во-первых, это суппозиция содержания по отношению к создаваемой форме выражения, во-вторых, суппозиция данных, известных старых слов по отношению к производным словам, в-третьих, суппозиция речевых единиц по отношению к языковым, обнаруживается как в диахронных, так и в синхронных процессах; в-четвертых, языковых единиц по отношению к речевым (отношения «потенциал/реализация»), и, в пятых, внутритекстовые суппозиции, возникающие вследствие необходимости опоры при выборе/создании последующих единиц текста на предшествующие. Все названные типы (планы) суппозиций находятся в отношениях взаимообусловленности и образуют тесное единство в рамках НДМП.

Универсальность суппозиционной функции во многом вытекает из общих принципов развития, в соответствии с которыми деривация нового – особый результат функционирования старого, исходного, связанный с измерением старого. Общая формула такого развития: $H=s+h$, где H – содержание высшего, s – содержание, заимствованное высшим из низшего, h – прирост сложности. Эта формула характеризует все виды деривации/мотивации, в том числе лексическую. Между высшим и низшим устанавливается генетическая связь, являющаяся такого рода изменением, при котором изменяющийся предмет не исчезает, а в преобразованном виде включается в результат изменения. Мотиват есть результат такого типа, он

состоит из исходной(мотивирующей) базы, осложненной «приростом» семантики и формы (мотивантом), мотивирующая база – формально и семантически преобразованное слово (мотивирующее), которое включается в результат изменения. С других позиций, являющихся исходными для мотивологии, мотиват – это функционирующий мотиватор, который в новых условиях функционирования подвергся изменениям, в силу необходимости приспособления к эти новым условиям; новое в данном ракурсе – модификация старого.

Специфичность ЛМ – в характере преобразования S, степени его отдаления от исходного мотиватора. В типовых формах ЛМ возникает противоречие между Н и s+h, между s как морфемой в составе мотивата и как свободной лексической единицей. В этом проявляется двойственная природа ЛМ. Соединение морфем предполагает момент некоторой условности морфемной комбинации, условность вытекает из специфического сгущения содержания, которое, как правило, предполагает нечто большее, чем механическая сумма у исходных сем. Преодоление условности (если она актуализируется в речи) сопровождается специфическими коннотациями, содержащими момент инноваций, нарушения норм; снятие условности воспринимается как акт семантической деривации. Ср. примеры двоякого функционирования мотивирующей базы: «Незаметно для себя привык жить ПОКОЙНО, стал ценить этот ПОКОЙ, бояться за него» (М. Горький): отождествление мотивирующей базы с мотивирующим словом, незамечание условности их корреляции, идиоматичности мотивата; «В конце концов ... заявили, что муж бы л связан с СЕКРЕТНЫМИ работами. Но ... ни к каким «СЕКРЕТАМ» он отношения не имеет» (Лит. газ.): кавычки свидетельствуют об актуализации идиоматического приращения в мотивате СЕКРЕТНЫЙ, ощущении говорящим момента нарушения нормы (= нетождественности морфемы СЕКРЕТ). Такая коммуникативная оппозиция является одним из

слагаемых борьбы и единства ТМ и ТН в лексике. Наличие второго плана (условности) – специфическая черта ЛМ, не характерная для мотивационных процессов на других уровнях, в частности, морфологическом и синтаксическом.

Сущность ЛМ во многом определяют генетические и синхронные связи мотивата с синтаксическими единицами. В современной мотивологии эти связи нередко упрощаются, их генетической стороне придается статус синхронно-функциональной стороны. Мотивация слова синтаксическими единицами не может рассматриваться только как непосредственная, одновременно она носит опосредованный характер, определяемый специализированностью средств и приемов ЛМ, ср. условно-технический характер модели деривации/мотивации типа «слово-мотиватор – слово-мотиват», не предполагающий непосредственного участия синтаксических единиц.

Очерченным процессам изоморфен процесс формирования и действия абсолютного плана ЛМ. Мотивированный признак означаемого включается в состав слова в преобразованном виде – не как непосредственный признак реалии, а как в значительной мере условность, которая в такой же степени элемент формы, как и элемент содержания. Внутренняя форма слова также имеет двойственную природу, предопределяющую на одном полюсе полное доверие к ней, («Назовите свое судно «Корыто», оно и плавать будет, как корыто»), на другом – актуализацию момента ее условности («Называй хоть горшком ...»).

Внутреннее устройство ЛМ как синхронного образования языка в работе описывается в рамках оппозиции онтолого-статической и функционально-динамической ее сторон.

В основе описания первой из этих сторон лежит представление ее элементов как вещи, свойства и отношения.

Вещный план ЛМ представляют ее единицы – мотивы/мотивемы (в широком смысле). Если суппозиция является условиями, предпосылками деривации нового, то мотивы – это реализованные предпосылки; так, признак реалии, подлежащей называнию, – суппозиция, реализованный в назывании признак является его (названия) мотивом; слово как носитель мотивирующих потенций – суппозиция как мотиватор данного мотивата – мотив. Мотивема – тип мотивов, образуемый путем их обобщения в каком-либо аспекте, таковы, например, содержательные мотивемы абсолютного плана ЛМ, ср. наименование «по цвету», «по характерному действию» и т.п. Мотивирующая база и внутренняя форма слова – структурные элементы слова, выделяемые соответственно в относительном и абсолютном плане ЛМ, которые детерминируются мотивационными процессами (или отношениями), мотивант – инновационный элемент, присоединяемый к мотивирующей базе, мотивационное значение – синтетическое понятие, фиксирующее план содержания единиц ЛМ (подробнее далее). Реализованные в слове единицы ЛМ образуют комплексные лексико-мотивационные единицы: мотиват, мотиватор, мотивационные сцепки слов и др. В ряде случаев реализация единиц ЛМ оказывается связанной с организацией синтаксического уровня, что приводит к возможности выделения единиц, являющихся синтактико- или семантико-мотивационными фигурами.

Основные свойства единиц ЛМ определяются их промежуточным положением между единицами морфемного и лексического уровней (относительный план ЛМ) и между планами содержания и выражения слова (абсолютный план ЛМ). Такое положение позволяет им выполнять связующую роль в структуре слова (линейной и латеральной), а при выходе за пределы слова – формировать особого рода системные отношения в лексике, названные Д.Н. Шмелевым эпидигматическими. Эпидигматика в исследовании рассматривается не как третий равноправный член в ряду

«парадигматика – синтагматика – эпидигматика», но как особая, более сложная («эпи-» означает «над-») парадигматика и (отчасти) синтагматика. Осложненность заключается в дополнении их «формальной семьей» (в речи это связано с образованием или актуализацией внутренней формы слов) и «детерминационной семьей» (обусловленностью выбора/создания мотивата формой и семантикой мотиватора). Детерминационность как следствие (или как «следовость») сохраняется в той или иной мере в отношениях словарных единиц, она может влиять на их функционирование, но это влияние слабое и непоследовательное. Осложненность в функциональном плане означает также необходимость для актуализации эпидигматических отношений особых условий, нередко участия метаязыкового сознания.

Структурный план мотивата и его внешние отношения взаимообусловлены, при этом в онтологическом аспекте отношения играют основную детерминирующую роль по отношению к структурам, в речевом функционировании такого рода зависимость проявляется гораздо менее последовательно.

Мотивационное значение как универсальное понятие объединяет разные явления и является многоаспектным, например, оно выступает как выраженный в слове мотивировочный признак, как синтез значений структурных компонентов мотивата, определяемых его отношениями с другими словами, как отношение морфемно-словобразовательного значения к лексическому. Традиционная постановка вопроса о том, входит или не входит мотивационное значение в лексическое значение, затушевывает разнопорядковый статус этих явлений, для их совмещения (взаимодействия) необходимы особые условия и средства (подробнее об этом далее).

Функционально-динамическая сторона ЛМ определяется ее включенностью в НДМП, который является стержнем всей мотивационной динамики. В основу описания НДМП в работе положено противопоставление

планов создания и функционирования мотивата, их борьба является одной из наиболее важных движущих сил данного процесса. Их противоречие заключается в том, что слово, будучи в определенной ситуации однажды созданным, далее не требует для своего функционирования обязательного включения деривационно-мотивационного механизма, но сам этот механизм продолжает непрерывно действовать, обслуживая аналогичные и тождественные ситуации. Ситуация, в которой слово возникло (или могло возникнуть), естественным образом повторяется, что допускает многократные повторные акты его создания. К примеру, в предложении «демократический прогноз это подсказывал, ПОДСКАЗКОЙ не воспользовались» (Лит. газ.) мотиват ПОДСКАЗКА находится в фокусе производимости. Не менее значимы регулярные редеривационные процессы, стоящие в НДМП в одном ряду с прямой деривацией, ср.: «Сейчас я свободная женщина. А зачем мне она, эта СВОБОДА? От чего я ОСВОБОДИЛАСЬ? От забот о любимом?» (Правда). СВОБОДА («редериват») и ОСВОБОДИЛАСЬ (прямой дериват) в равной мере обслуживают развитие темы. Появление новообразования – частный результат функционирования слова в обычных условиях его эпидигматического распространения, поэтому планы создания и функционирования слова взаимно детерминируют друг друга. Природа детерминации в разных ее направлениях неодинакова: в одном случае она генетическая (от создания к функционированию), в другом - синхронно-функциональная (от функционирования к созданию). Первая линия опредмечивает деривационно-мотивационные процессы, вторая сохраняет динамический потенциал в активном состоянии. Опредемчивание нередко является предпосылкой регрессивных изменений мотивата. В прогрессивном направлении различаются перспективная (от мотиватора к мотивату) и ретроспективная (от мотивата к мотиватору) линии мотивационной

динамики. Их противопоставленность в речи нередко нейтрализуется, поскольку общее прогрессивное движение речемысли от известного к новому как бы «перспективирует» все эпидигматические связи, например: «Суждения его всегда резки и бранчливы, но ... как-то так выходит, что РЕЗКОСТЬ и БРАНЬ не режут уха и к ним скоро привыкаешь» (А. Чехов): тот факт, что один из текстовых мотивов сложнее мотиватора, а другой – проще, малосущественно для деривационного развития темы в данном тексте.

Усиление степени прогрессивности деривационно-мотивационных процессов в речевой деятельности связано с усилением их актуальности. Нулевую отметку в этом параметре представляют сопряжения эпидигматов в тексте без их детерминационных связей, ср.: «Тут можно УДИТЬ со дна на две УДОЧКИ, класть УДИЛИЩА на берег» (С. Аксаков) – выбор одних эпидигматов в данном тексте не зависит от других. «Сильнее» оценки проиллюстрированы выше: ПОДСКАЗЫВАТЬ – ПОДСКАЗКА, СВОБОДНАЯ – СВОБОДА – ОСВОБОДИЛАСЬ, РЕЗКИЙ – РЕЗКОСТЬ и др. Другой аспект усиления речевой актуальности – степень участия метаязыкового сознания: от произвольного обращения к морфемно-мотивационному плану слов к осознанному использованию в различных целях.

В первой главе рассматриваются также различные параметры системно-онтологического плана, фиксирующие рост элементов создания в различных типах соотношения мотивата и мотиватора. Они связаны со степенью семантического расстояния между мотиватором и мотиватом по линиям: усиление мутационных возможностей мотиванта (от формообразования к мутационному словообразованию), количественный и качественный рост идиоматических приращений в мотивате, увеличение мутаций мотиватора, реализующегося в мотивате (ср. мутации семантики слова «лед», реализованного в мотиватах ЛЕДОК, ЛЬДИНА, ЛЕДЕНЕЦ). Возможности

«преодолевать» все большие семантические расстояния характеризуют развитие морфемно-мотивационного механизма в прогрессивном направлении по линии его совершенствования.

Вторая глава «Лексическая мотивация в плане создания слова (динамический аспект абсолютного плана мотивировки)» решает задачу коммуникативного моделирования абсолютного плана ЛМ как элемента словопроизводственного процесса. Традиционное представление о ЛМ делает главный акцент на инновационные элементы словопроизводства: ориентируясь на них, создатель слова организует весь процесс. Коммуникативно-мотивологическая модель исходит из функционирования слова, которое в определенных семантико-синтаксических позициях становится мотиватором и реализует свои словообразовательные потенции. Таким образом, традиционная модель описывает структуру мотивата от мотиванта (=форманта), коммуникативно-мотивологическая – от мотивирующей базы и мотиватора, представляемого ею в мотивате.

В выработке традиционных представлений об участии ЛМ в процессе создания новых слов принимали участие видные философы и лингвисты прошлых лет (древнегреческие мыслители, И. Гердер, В. Гумбольдт, Л. Фейербах, А.А. Потебня и др.) и многие ученые современности. Центр таких представлений составил гносеологический аспект мотивировки: соотнесенность мотивировочного признака имени с именуемым предметом, субъективные и объективные факторы, определяющие его выбор. Коммуникативный аспект при этом обычно оставался вне поля зрения исследователей. Редко отмечался тот факт, что новый дериват в естественных условиях речи, как правило, возникает в тех же позициях и под воздействием тех же сил и механизмов, что и любые другие дериваты, поэтому нет необходимости преувеличивать специфические черты словопроизводственного процесса, отделять его от НДМП.

Традиционно считается, что основная функция мотивировочного признака – репрезентативная, определяемая его способностью «представлять» в слове все остальные признаки, и что эта способность обуславливает его выбор как наиболее существенного для предмета, понятия. Понятие существенности имеет относительный характер. По отношению к коммуникативному заданию им может оказаться любой признак, и эта возможность систематически реализуется в естественной речевой деятельности на том этапе номинативного процесса, который предшествует появлению устойчивого нормативного имени, оказавшегося наиболее конкурентоспособным и вытеснившего все остальные варианты. Ясно, что процессы формирования узуального нормативного имени могут зависеть от существенности мотивировочного признака, но эта зависимость имеет вероятностный характер. С данных позиций нуждается в корректировке отнесение момента выбора мотивировочного признака непосредственно к этапу лексической объективации содержания (И.С. Торопцев), так как данный выбор осуществляется раньше, на долексических этапах. Типичный пример: «Об этом доме знали все и называли его по-разному: «За домом с сиреневыми окнами» или «Не доходя до дома с сиреневыми окнами». А если кому-нибудь надо было объяснить дорогу, а на улице было темно, то говорили: «Идите прямо, а как увидите дом с сиреневыми окнами...» (Г. Семенов. В таком характерном для повседневной номинативной практики примере хорошо видно становление имени, возникновение элементов узуализации и канонизации уже на этапе синтаксической объективации. Мотивировка лексической формы в подобных случаях, по существу, предопределена, и при появлении необходимости такой формы (например, «он живет в СИРЕНЕВОМ) уже нет потребности «вновь мысленно обнять, продумать выражаемое содержание, уяснить его структуру» (И. С. Торопцев).

На примере словопроизводственной модели И.С. Торопцева в главе подробно рассматриваются такие признаки традиционного моделирования мотивировки, как превалирующий гносеологизм и рационализм. В работе обосновывается тезис о том, что осознанное стремление к новой форме для данного нового содержания как фактор деривационной деятельности является ограниченной «тенденцией к консервации языка и устранению всех очевидных нововведений» (А. Мартине). Этот тезис подтверждает анализ материалов монографии «Русская разговорная речь» и данных проведенного нами большого ономаσιологического эксперимента, моделирующего естественные номинативные ситуации. Целеполагающих установок на создание новой формы (даже при осознании новизны содержания) обнаружить в этих материалах не удалось. Они характеризуют формы искусственной номинативной деятельности. Понятно, что новые лексические единицы в естественной речи спорадически возникают, но новизна не входит в коммуникативную интенцию говорящего («сказал, как сказалось»), оппозиция «новый/неновый дериват», как правило, не актуализируется, например: - Разве такие МЕРЗАВКИ, как як мужьям ездят? – Ах, мать ты моя! Что ты это ... себя так уж очень МЕРЗАВИШЬ? И в пять раз МЕРЗАВНЕЙ тебя, да с мужьями живут» (Н. Лесков). Словообразовательные процессы здесь во многом подобны формообразовательным. Вряд ли регулярно актуализируется и оппозиция «словоупотребление /новоупотребление /новообразование», ср.: «Сашке, в сущности, начхать и на свою вину, и на всех, кто собрался его ВМНОВАТИТЬ» (Ю. Осипов), «Все это мелочи быта. И сам-то через полгода не вспомнишь. Все, что сегодня было – это лишь СЕГОДНЯШНЕЕ» (Ю. Осипов). Даже онтологически здесь трудно зафиксировать момент лексической новизны, и на функционально-речевом уровне его актуализация вызывает сомнения.

С коммуникативной точки зрения мотивировка окказиональных наименований (любого уровня) играет прежде всего структурирующую роль, при их создании мотивировочный признак является точкой отсчета, исходным ориентиром. Его выдвижение предопределено содержанием коммуникативного задания. Поскольку для данного коммуникативного акта именно выражаемое содержание является наиболее значимым, то признак, выраженный внутренней формой создаваемой единицы, естественным образом является ее семантическим центром. Утрата производимости осуществляется параллельно с десемантизацией внутренней формы номинативной единицы. Таким образом, выдвижение мотивировочного признака на передний план в акте создания окказиональной номинативной единицы – отражение изоморфизма процессов создания (структурирования) планов содержания и выражения этой единицы; структура значения подвижна, план выражения консервативен и не может структурно фиксировать все его подвижки, поэтому тенденция к изоморфизму вырабатывает в нем способность к деструктуризации.

Отражательные свойства мотивировки ограничены также ее техническим характером, который опосредует прямую связь мотивировочного признака с реалией. Условность такой связи обнаруживается уже в коммуникации животных. Например, сигнал типа «Убирайся!» возник у обезьян в результате имитации врожденного движения, подготавливающего наскок, с его дальнейшей редукцией. Этот жест и является внутренней формой названного сигнала. В естественной мотивировке слов наличествуют аналогичные черты: 1) преобразование непосредственной действительности в знаковую, 2) непосредственная действительность поставляет знаку субстанцию для его внутренней формы (производящее слово), 3) отвлечение от непосредственного, возможность использования лишь намека на него. Очевидны и различия, в первую очередь

– включение цепь «от непосредственного к опосредованному» элементов рече-языковой действительности, откуда в развитых языках черпается непосредственный материал для мотивировки.

Развитие форм мотивировки в языке связано с их специализацией (технизацией). Важнейшее проявление данного процесса – типизация мотивировочных признаков, выработка способности у типов мотивировочных признаков (мотивем) выступать источником аналогии. В работе подробно рассматривается вопрос о роли таких мотивем в языке. Их описание в пределах отдельных тематических групп лексики – давняя лингвистическая традиция, восходящая к направлению «Вещи – слова» (Г. Шухардт и др.). Весьма продуктивна она и в советской ономаσιологической школе (в терминологии, ономастике, диалектологии). Основное направление интерпретации мотивем – гносеологическое, природа мотивем ставится в зависимость от отражательных свойств мотивировочных признаков. Обоснование их интралингвистической природы редко ставится задачей исследований.

Влияние объективных свойств реалий на мотивировку не вызывает сомнений, так же, как и роль субъективного фактора. Но этим природа мотивировки и мотивем не ограничивается, поскольку названные факторы тесно взаимодействуют с коммуникативными. Весьма показателен здесь факт заметных различий в количестве и качестве мотивем в различных функциональных сферах одной тематической группы. Например, в группе русских народных, научных, селекционных названий растений или группе бытовых, номенклатурных и торговых названий товаров различия весьма велики, они превосходят различия мотивем в тематически разных группах одной функциональной сферы (например, в группах названий рыб и растений или грибов, ягод и травянистых растений). Характерна также избирательность мотивем в каждой тематической группе, их набор и

продуктивность стремятся в первую очередь отразить традиции названия определенных групп предметов. В главе анализируются факты, показывающие реальность аналогического действия содержательных мотивов в русском языке и формирование соответствующих номинативных традиций.

Важным проявлением включенности мотивов в языковую систему является тесная связь с другими элементами номинативно-деривационного механизма языка: с частными словообразовательными значениями, с обобщенно-мотивировочными классами слов и др.

Способность к оязыковлению через типизацию и виртуализацию обнаруживают и другие компоненты мотивировки. Так, фонетическая мотивировка при всей ее предрасположенности к отражению непосредственного в значительной мере опосредуется внутриязыковыми традициями передачи звучаний. Ономотозитические модели проявляются, например, при передаче голоса птиц (М.М. Гинатулин), народные звукоподражательные названия птиц отнюдь не строго следуют объективным звучаниям. Во многом это предопределено ограниченными возможностями фонетической системы языка. Процессы оязыковления и технизации рассматриваются в работе также на материале семантической и морфологической мотивации слов. Говоря о принципе мотивированности как принципе соответствия содержания форме и формы содержанию, нельзя не иметь в виду опосредующее влияние языковой системы, предоставляющей носителям языка абстрактные и конкретные эталоны такого соответствия. Их можно рассматривать как мотивационные нормы. Исходя из них, в языковом сознании «решается» вопрос: подходит имя для данного предмета или нет. В работе влияние названных норм показывается на материале оценок правильности фонетически, морфологически и семантически

мотивированных слов. В частности, морфологическая нормативность рассмотрена на экспериментальном материале.

В третьей главе «От плана создания слова к плану его функционирования» исследуются процессы трансформации элементов генезиса мотивата в синхронно-функциональные сущности. С позиции НДМП они имеют двоякую природу: регрессивные процессы, ведущие к ослаблению деривационно-мотивационного начала слова, полным образом реализуемого в момент его первичного порождения, и прогрессивные процессы, способствующие сохранению или укреплению деривационно-мотивационного потенциала слова.

Идея десинхронизации первичной мотивировки нашла отражение во многих работах русских лингвистов (А.А. Потеня, В.В. Богородицкий, В.А. Абаев, Л.А. Булаховский и др.). Большой интерес представляет концепция В.А. Абаева, позволяющая связать регресс генетического начала слова с коммуникативной функцией (ослабление идеологической стороны слова и усиление технической, зависимость изменений в плане выражения слова от изменений в его семантике и др.). Опираясь на эту концепцию, можно вскрыть семантические основы деактуализации мотивировки: специализация значения, его коммуникативное сгущение, развитие элементов условности, формирующихся вследствие необходимости обозначения большого числа вариаций (денотативных, сигнификативных) означаемого слова с разным составом и разной иерархической организацией составляющих его признаков, требуют от языкового сознания выработки способности отвлекаться от мотивировочного признака, ориентированного на ограниченное число ситуаций, способности не замечать его. СОРНЯК – это не только «растение, засоряющее посеvy», но и «объект сельскохозяйственных работ» или «объект агрономической науки», он может цвести, колотья и т.п.; ЗАЖИГАНИЕ в двигателе не только «зажигает», но и ржавеет, продается, капризничает и т.п.

Если понятие трансформируется в генетический субстрат для коммуникативного значения, то мотивировочный признак аналогичным образом из семантического центра означаемого преобразуется в особый генетико-синхронный элемент слова, для актуализации которого нужны специальные условия (одним из них является воспроизведение исходной ситуации) или особые усилия говорящего, преодолевающего установку на незамечание мотивировочного признака. Так, в предложении «ЛЕСНИК шел сначала по полю и лесу, а затем по болоту» мотивировочный признак слова ЛЕСНИК не актуализируется, то в предложении «ЛЕСНИК, а ЛЕСА не знаешь» момент метаязыкового отношения к мотивату проясняет и актуализирует исходную мотивировку и тем самым синхронизирует ее. «Неуместная актуализация противоречит свойству условности мотивировочного признака. В главе рассматриваются некоторые из таких ситуаций. Естественно, что воспроизведение исходной ситуации по мере развития актуального содержания слова и его потенциала функционирования становится все менее вероятным, и это является важнейшим фактором ослабления ЛМ в слове.

Ослабление роли абсолютного плана ЛМ в НДМП отчасти компенсируется активностью относительного плана, включаемого в регулярные процессы деривации текста. Такие процессы необходимо соотносят структуру и отношения данного мотивата с морфемно-мотивационной системой языка, что способствует накоплению (сохранению) мотиватом деривационно-мотивационного потенциала функционирования и его реализации. С данных позиций можно выделить несколько линий развития мотивата в регрессивном направлении.

1. Линия взаимодействия лексического и морфемно-мотивационного планов: а) предлексический этап, б) морфемно-лексический этап – функционирование готового мотивата с высокой степенью актуализации его

морфемно-мотивационного плана, в) лексико-морфемный этап – вероятность актуализации морфем и ЛМ снижается, требует особых условий, г) «гиперлексический» этап.

2. Линия взаимодействия планов содержания и формы (внутренней): а) для говорящего актуально то содержание, которое выражено, б) то, что выражено, является семантическим центром передаваемого содержания, в) активная периферия, г) пассивная периферия.

3. Синтагматическая линия: а) свободное сочетание слов, б) свободное сочетание морфем, г) опрощение. Например, близкие по смыслу слова, обозначающие отеки: СИНЯК и ПОКРАСНЕНИЕ относятся к разным этапам очерченных линий развития: Б. и В. Динамическая программа более частотного слова СИНЯК допускает его употребление без опоры на слово СИНИЙ (и признак «синий»), выбор слова ПОКРАСНЕНИЕ без опоры на мотиватор и соответствующий ему признак маловероятен. Такой выбор является одновременно вторичным его созданием. В разных употреблениях одного слова возможно разное соотношение моментов создания и воспроизведения. Онтологические свойства мотивата (степень членимости, семантической мотивированности и др.) создают важные условия для того или иного употребления морфемно-мотивационного плана данного слова, но не определяют их однозначно.

Сказанное позволяет внести коррективы в традиционное представление о факторах онтологической демотивации, связываемых обычно с изменением лексического значения мотивата или мотиватора. Прямой зависимости между лексическим значением и ЛМ (функциональной, а через нее – онтологической) в языке не существует: не всякое изменение лексического значения влечет демотивацию (ГРОМООТВОД, МУЖЕСТВО, ВОИНСТВУЮЩИЙ и т.п.), некоторые виды изменений, напротив, сопряжены с актуализацией морфемно-мотивационного плана слов (ср.:

голосовать ВРУЧНУЮ); отсутствие изменения лексического значения не является барьером для функциональной демотивации (ПОЛОТЕНЦЕ, РАСКВИТАТЬСЯ, ЗДРАВСТВУЙ, ПЯТНИЦА, УНИЧТОЖИТЬ и т.п.). Анализ демотивированных лексем показывает, что удельный вес функциональных изменений (частотности, сферы употребления) играет в демотивационных процессах не менее существенную роль, чем собственно семантические изменения. Не случайно в смешанных синонимических рядах, состоящих из мотивированных и немотивированных лексем, позицию доминанты занимают, как правило, вторые. Особое значение имеет частотность совпадения аспекта исходной мотивировки и аспекта использования готового слова в тексте, вероятность такого совпадения у слов с «однопризначной» семантикой высока, поэтому они более устойчивы в мотивационном отношении (ВОЙСКОВОЙ, ВОЗРАСТАНИЕ, ВИНИТЬ, ВИДИМЫЙ, ВЕЩЕЛЮБИЕ и т.п.). По этой же причине устойчивы сложные слова, жестко фиксирующие аспект мотивировки.

С позиции функционирования готового мотивата в НДМП проясняется как исходная роль мотивировочного признака, так и его синхронные перспективы. Обоснование информативной функции мотивировочного признака как основной предполагает, что он вводится в слово для сохранения существенной информации об именуемом предмете. Однако будущее окказионального имени не входит составной частью в интенции именуемого субъекта. Необходимость выделить предмет и передать соответствующий сигнал адресату не предполагает опоры на существенные признаки предмета. С другой стороны, акт создания окказионального имени – технический прием речевой деривации, а не познания предмета, поэтому вряд ли целесообразно видеть в исходной мотивировке отражение истинного отношения носителей языка к предмету, которое, по М. Хайдеггеру, стирается при дальнейшем использовании слова. В реферируемой работе подробно анализируется

данный тезис. Элементы условности (по отношению к предмету, понятию) в актах окказиональной номинации, в процессах узуализации и канонизации слова и другие моменты не позволяют согласиться с абсолютизацией момента отражения «истины» в этимологическом значении слова.

Более устойчивы компонентом ЛМ является ее субъективно-оценочная направленность, наиболее полно обнаруживаемая в экспрессивной лексике: окказиональная ситуация, порождающая его, связана с потребностью в экспрессивной форме, при повторных появлениях потребности в экспрессии воспроизводится и всякий раз акцентируется внимание на форме слова (такая акцентуация необходимый компонент языка-внушения). Отсюда устойчивость ЛМ в экспрессивных мотиватах, сохраняющейся даже при недостаточной информативности внутренней формы (РАСПАТРОНИТЬ, СМОРОЗИТЬ и т.п.).

Проблему соотношения регрессивных и прогрессивных направлений динамики ЛМ нельзя решить без раскрытия неоднозначной природы генетического в синхронии языка. Генетическое в условиях НДМП не становится автоматическим фактом истории слова. Тезис о том, что мотивировка подобна лесам, нужным лишь для создания дома, чрезмерно упрощает проблему. Анализ функций ЛМ показывает, что генетические элементы, застывая, опредмечиваясь в субстанции знака, не утрачивают способности к распредмечиванию, не являющемуся, однако, простым воспроизведением исходного акта. В этом смысле исходная мотивировка не «забывается» и не «вспоминается». По существу, в использовании внутренней формы в разнообразных синхронных целях часто присутствует момент создания. Нередко в эти процессы включается метаязыковое сознание, ср.: «И напрасно она думает, что ДАР происходит от слова ДАРОМ. Даром, да не совсем» (Г. Банкирова). Таким образом, синхронизация генетического начала в ЛМ заключается в ретроспективных процедурах

этимологизации мотиватов и их участия в синхронной деривации текста (генетическое как импульс синхронного деривационно-мотивационного функционирования мотивата). В исследовании анализируются разнообразные типы синхронизации элементов мотивировки.

Одним из важнейших направлений прогрессивной динамики ЛМ, усиления ее относительного плана является укрепление системных связей мотивата. С этих позиций, мотивация – «это включение данной единицы в систему» (Е. Л. Гинзбург). Одновременно данный процесс усиливает системообразующие свойства ЛМ. В третьей главе анализируются проявления системообразующих тенденций ЛМ на материале произвольных ассоциаций к диктуемым словам-стимулам после установочного текста («Каждое слово связано с другими словами по смыслу и звучанию, например, ВЗДЫМАТЬСЯ – с ДЫМ; «подниматься кверху, как дым из трубы», ОРАВА – с ОРАТЬ и т.п.). Таким путем получены ассоциации к 200 словам. Эксперимент показывает, что такое ассоциирование регулярно, многие слова имеют устойчивые, многократно воспроизводимые ассоциации (СТОЛПОТВОРЕНИЕ – СТОЛПИТЬСЯ, ТОЛПА, РУХЛЯДЬ – ТРУХЛЯВЫЙ, КОЛДОБИНА – ДОЛБИТЬ, ЗАЛИХВАТСКИЙ – ЛИХОЙ, ХВАТКИЙ, КОЛОШМАТИТЬ – КОЛОТИТЬ, ЛОХМАТЫЙ, ЛАХУДРА – ЛОХМАТАЯ, ПРЕСЛОВУТЫЙ – СЛАВА и др.), многие из них приближаются к народно-этимологическим осмыслениям слова, способным воздействовать на его форму и актуальную семантику. Регулярным объектом воздействия системообразующей функции ЛМ оказываются слова, периферийные по отношению к ядру системы, слова вне эпидигматических связей с другими словами. Включаясь в эти связи, они обретают значимость и отчасти значение. Об этом говорят тенденция к семантизации установленных связей: КУБАРЕМ – «катиться, как куб», ПРОМОЗГЛЫЙ – «до мозгов достает» и т.п. Одновременно происходит морфемизация звуковой оболочки.

Если говорящий ассоциирует слово ВЗДЫМАТЬСЯ с ДЫМ, а КОЛДОБИНА с ДОЛБИТЬ, то он тем самым наделяет корнем слова-стимулы. Морфема в работе рассматривается как ядерная, специализированная разновидность внутренней формы слова и ядерное средство лексико-мотивационных связей.

В явлениях рассматриваемого типа обнаруживается притягивающее действие ядра лексических микросистем по отношению к периферийным элементам, в том числе притягивание мотиватором мотивата как зависимой единицы. Одновременно здесь проявляется преодоление дискретного начала непрерывным, например, омонимы начинают восприниматься как полисеманты или паронимы (эпидигматизация омонимов), ср. сближение эпидигматических корней типа ИСТЕЦ и ИСКАТЬ, МУССИРОВАТЬ и МУСОЛИТЬ, ГРАН и ГРАММ и т.п. Обратный процесс – омонимизация полисемии – порождается стремлением к дискретности и поддерживает тенденцию к немотивированности в лексике.

Ремотивационные и демотивационные процессы взаимодействуют на оси частотности: рост употребительности слова, приближение его по этому признаку к типу ядерных слов снимают потребность в ремотивационных процессах. В разделе 3.3.3. приводятся и анализируются данные, подтверждающие отмеченную закономерность.

В разделе 3.3.4. рассматриваются возможность воздействия смысловых ассоциаций на выбор слова говорящим на материале эксперимента со словами-синонимами, имеющими разную внутреннюю форму (ВСКИПЕТЬ, ВЗОРВАТЬСЯ, ВСПЫЛИТЬ, ВСПЫХНУТЬ и др.). Ассоциации обнаруживают статистическую корреляцию с контекстами, в содержание которых включены семы, имеющие точки пересечения с содержанием внутренней формы соответствующих слов-синонимов. Это свидетельствует об определенной значимости абсолютного плана ЛМ в речевой деятельности.

В разделе 3.3.5. описываются разнообразные типы ремотивационных процессов, различающихся по целям и средствам. Более подробно характеризуются способы «оживления» внешней и внутренней формы слова: экстенсивный способ связан с механическим насыщением текста эпидигматами, направленным на фиксацию внимания к формальной стороне слова (полно ЗИМУШКЕ ЗИМОЮ ЗИМОВАТЬ, МУКИ МУЧЕНИЧЕСКИЕ и т.п.), в интенсивном способе исходным пунктом «оживления» являются внутренние элементы слова (ср.: браконьера ПРИЩУЧИЛИ). Соединительные отношения эпидигматов в первом способе противопоставлены противительным отношениям второго («бесполезны не МУКИ – МУЧЕНИЯ»). Противостояние актуального лексического значения и значения, вытекающего из внутренней формы слова, во втором способе регулярно рождает эффект каламбура при актуализации идиоматических мотиватов, нечленимых в обычном словоупотреблении, ср.: «Поэт считал себя не только ПРОГРЕССИВНЫМ, а несколько даже опережающим ПРОГРЕСС» (Лит. газ.). В разделе описываются наиболее продуктивные способы актуализации внешней и внутренней формы слов. Во многих из них проявляется тенденция к «изысканию все более утонченных способов мотивации» (Э. Г. Аветян).

Четвертая глава «Речевое функционирование мотиватов в аспекте непрерывного деривационно-мотивационного процесса» посвящена обоснованию и списанию функционирования ЛМ в речи на текстовом материале. Описание исходит из включенности ЛМ в НДМП и шире – включенности ее в номинативную и синтагматическую деятельность в процессе порождения текста: деривация слова как формально-семантической единицы зависит от характера деривации плана содержания всей единицы, в которую входит данное слово, от характера членения всего смыслового потока; выбор/создание данного слова зависит от семантических и

формально-семантических суппозиций, содержащихся в предшествующем тексте и т.д.

Названная задача решается в главе на материале функционально значимых эпидигматических рядов. Функциональность фиксировалась по совокупности следующих признаков: 1) позитивное проявление формально-семантических связей (ср. отказ от них при стремлении избежать тавтологии), 2) материальная выраженность связи (общность корня или аффикса), 3) синтагматический характер связи (обусловленность выбора одного члена эпидигматического ряда другим членом), 4) парадигматический характер отношений данной сцепки с другими и, следовательно, наличие у нее определенной значимости. Например, в диалоге: - «ЧУДАК ты: - как-то некстати брякнул я. – Он удивился: « А что в этом ЧУДНОГО?» (Комс. пр.) сцепка «ЧУДАК – ЧУДНОЕ» содержит все признаки функциональной значимости (парадигматика сцепки и ее семантика обнаруживаются при синонимических заменах членов сцепки, например, при замене ЧУДНОГО на СТРАННОГО: утрата в этой сцепке формальной и детерминационной сем существенна для общего коммуникативного смысла данного отрывка).

Анализ многочисленных текстов показывает разнообразие целей эпидигматических сцепок при наличии инвариантной цели – выражения продленных сем в продленных формах (эпидигматических цепях). Самое общее деление целевых установок связано с противопоставлением языка-знака и языка-внушения (Ф. Паулан). По способам осуществления эпидигматических связей в речевой деятельности их можно разделить на изначально заданные и спонтанно возникающие на отдельных этапах развертывания текста.

Главные маркеры функционально значимых эпидигматических сцепок: синтаксические (мотиват и мотиватор – члены предложения или компоненты высказывания; зависимость первого от второго маркирована

синтаксически), семантические (показатели общности аспекта развития темы и содержания мотиванта; такой параллелизм развития темы и эпидигматического ряда обычно сопровождается актуализацией семантики аффикса), лексические (выделенность членов сцепки в лексических оппозициях, например, по признаку употребительности, новизне или экспрессивности), прагматические (например, изначальная ориентированность говорящего на использование формальных суппозиций).

По характеру целевых установок и типу маркеров различаются сильные и слабые сцепки, их выявляет, в частности, реакция на синонимические замены (в параметре «возможность – невозможность замены»). Важный аспект «силы» сцепки – степень участия метаязыкового сознания, преодолевающего «незамечание» формальной стороны слова, спаянности его линейных компонентов (морфов),

В разделе 4.2. предлагается типология эпидигматических сцепок по характеру детерминационного содержания, связывающего их члены: 1) имя темы – ее модификации, 2) цитируемое – цитата, 3) объяснимое – объясняющее, 4) аргумент – функция, 5) нейтральное – маркированное, 6) свободное – связанное, 7) мотиватор и мотиват – взаимосвязанные члены одной парадигмы.

Следствия актуализации эпидигматических отношений в тексте разнообразны: «оживление» структурных компонентов мотивата (актуализация членимости сова), активизация момента производимости мотивата (частный случай данного следствия – появление лексического новообразования) эффект каламбура (попадая в позицию производимости или членимости, идиоматический мотиват обнаруживает двойную значимость: лексическую и словообразовательную – их столкновение и рождает названный эффект).

В разделе 4.3 обсуждается один из центральных вопросов функциональной мотивологии – регулярности функционирования морфемно-мотивационного плана слов в речи. Значимость данного вопроса особенно заметно проявляется на фоне распространенного мнения об ограниченной роли морфем и ЛМ в «нормальной» речи; многие лингвисты связывают их речевое действие лишь с процессами, ведущими к лексическим новообразованиям, с восприятием малознакомых слов или с нарушениями автоматического выбора готового слова. Имеются эксперименты, доказывающие, что восприятие мотивированных и немотивированных слов по существу не различаются (М.В. Русаков, А.Ю. Русакова). В работе обосновываются иные подходы к данной проблеме: включение морфемно-мотивационного механизма в речевой деятельности связано с наличием особых семантико-синтаксических и/или прагматических условий (предпосылок). При этом непосредственное участие носителей морфемно-мотивационных единиц в порождении текста является важнейшим признаком включения, поэтому его изучение, в том числе экспериментальное, должно осуществляться в тексте, содержащем предпосылки для включения. Например, в предложении «Все бы тебе наставлять, тоже мне нашелся....» вероятность появления на месте пропуска мотивата НАСТАВНИК значительно выше, чем у любого другого возможного «заполнителя» данной позиции. Зависимость данного мотивата от мотиватора НАСТАВЛЯТЬ говорит о наличии момента производимости (синтезирования) при выборе/создании мотивата НАСТАВНИК. Сама эта зависимость легко обнаруживается при замене в предложении слова НАСТАВЛЯТЬ на другие (УЧИТЬ, ПОУЧАТЬ, РУКОВОДИТЬ и т.п.), что приводит к резкому уменьшению «на выходе» слов с корнем НАСТАВ- и увеличению числа производных от названных глаголов. Это свидетельствует о наличии у них потенциала функционирования в роли деривата/мотивата (повторно

синтезируемого слова). Отсутствие 100-процентной реализации потенциала говорит, с одной стороны, о недостаточной силе объективных предпосылок (порождающих возможностей контекста), с другой стороны, о корректировке со стороны субъективных факторов (соответствующих установок говорящего), Аналогичные результаты получаются при постановке мотивата на позицию детерминанты (источника) деривационно-мотивационных процессов, например, в предложении «На то он и наставник (руководитель, учитель и т.п.), чтобы...» выбор глагола в завершающей части предложения зависит (в вероятностно-статистическом аспекте) от внутренней формы слова-детерминанты в первой части предложения, при этом разнообразие выходов у мотивированных слов – детерминант меньше, чем у немотивированных (ШЕФ, БОСС ит.п.).

В разделе 4.3. анализируются различные проявления актуализации морфемно-мотивационного плана лексических единиц в тексте в аспекте взаимодействия в них (проявлениях) объективных и субъективных факторов, обуславливающих включение/невключение деривационно-мотивационного механизма. Особое внимание уделяется роли субъективных установок в этом процессе.

В разделе 4.4. описываются факторы, способствующие формированию потенциала функционирования слова в роли мотиватора и мотивата (производящего и производимого слова). Они соотносятся с его онтологическими свойствами, вытекающими из его формально-семантических связей с другими словами. В реферируемой работе в данном аспекте обсуждается проблема степеней членимости слова и степеней его идиоматичности, анализируются различные подходы при их решении. Главный вывод из такого анализа – многоаспектность содержания названных параметров и необходимость их дифференцированного описания,

предшествующего их синтезу в комплексном понятии степени мотивированности.

Онтологические деривационно-мотивационные свойства словарной лексической единицы создают известные предпосылки для формирования определенного потенциала функционирования ее в речи (в другом аспекте их можно рассматривать как условия его реализации), но жесткой предопределенности в их корреляции не наблюдается. Если слово онтологически членится, то это не значит, что оно в соответствии с этим во всех случаях производится или воспринимается носителями языка. Данное обстоятельство затрудняет выявление реальных степеней производимости (или степеней «аналитичности» восприятия). Анализ текста показывает, что факты, представляемые им (если иметь в виду обычный письменный текст), как правило, недостаточны для доказательной квалификации степени производимости употребленных в этом тексте мотиватов. Этот тезис не исключает, однако, возможности обнаружения сильных сигналов производимости. Но полное решение вопроса о силе потенциала функционирования слова как производимой или аналитически воспринимаемой единицы и характере его реализации в этом аспекте может быть осуществлено только экспериментальным путем.

Основной результат четвертой главы – обоснование положения о наличии в языковом сознании морфемно-мотивационного механизма, регулярно включаемого в естественную речь в определенных объективных условиях и при определенных субъективных установках (в их единстве).

Пятая глава «Лексические новообразования как результат речевого функционирования слова (динамический аспект относительного плана лексической мотивации)» имеет цель – описание взаимодействия функционально-речевого и системно-языкового параметров ЛМ. Системные отношения в данной сфере рассматриваются как

опредмеченные речевые процессы, в свою очередь реализуемые (распредмечиваемые) в деривационно-мотивационных речевых процессах.

В разделе 5.1. с данных позиций описывается одна из центральных оппозиций ЛМ, организующих лексико-мотивационную систему, - противопоставление (борьба и единство) двух форм ЛМ: морфологической и семантической. В этом ряду традиционно рассматривается и фонетическая мотивация, но она образует другой уровень системности, не выходящий регулярно в речевую сферу, поэтому в настоящем исследовании фонетическая мотивация не характеризуется. В разделе рассматриваются различные подходы к названной оппозиции. Ее содержание в литературе, как правило, сводится к формальному аспекту – выраженности или невыраженности мотивационных отношений в мотивате осложняющим компонентом. В разделе доказывается необходимость подключения функционального подхода, без которого невозможно раскрыть содержание оппозиции двух форм ЛМ. Основными при таком подходе становятся вопросы: каковы функционально-семантические основания для данной оппозиции в диахронии и синхронии, каков статус ситуации выбора одной из форм ЛМ в речевой деятельности (типична или нетипична сама ситуация выбора); если ситуации выбора нет, то по какому принципу данные формы «разведены» в языковой системе?

Приведенные вопросы не имеют однозначного решения, так как в оппозиции морфологической и семантической форм ЛМ теснейшим образом оказываются переплетены диахронные и синхронные моменты, гносеологические и коммуникативные (условно-технические) начала и т.п., но определенные тенденции во взаимодействии данных форм проявляются как в языке, так и в речи. Анализ показывает, что оппозиция носит комплексный характер связи с синтаксической и номинативной деятельностью, разное отношение к выражаемому содержанию по признаку

его конкретности/абстрактности, к языку-знаку и языку-внушению и др. Ни один из таких параметров не позволяет установить между морфологической и семантической формами ЛМ жесткие границы, поэтому все функционально-семантические типы, выявляемые в их пределах, являются взаимопроницаемыми. Это тем более справедливо для типов, образуемых комплексами признаков. Для такого рода оппозиций характерны «своеобразные взаимообмены соответствующими типами образований» (В. М. Павлов), например, субстантиваты в разных отношениях одновременно принадлежат и к морфологической деривации/мотивации (способ словообразования), и к семантической (переосмысление адъективной формы).

Семантическая деривация/мотивация рассматривается в настоящем исследовании широко – как любая спецификация смысла, требующая в силу коммуникативных потребностей выделения из сплошного смыслового континуума. В разделе 5.1.2.1. характеризуется в функционально-динамическом аспекте речевой механизм спецификации. Широкое ее понимание объединяет явления семантического сдвига (переноса) с изменениями отношений внутри словообразовательного гнезда, приводящими к идиоматизации и различным перестановкам членов гнезда.

Возникновение спецификации создает предпосылки для действия морфологической деривации, распространяющей ее (спецификацию) в формально-деривационном (горизонтальном) направлении. Ср.: «ДРОЗСООР расшифровывается как совместное ОРАНИЕ о дрозодиле. Над совместным ОРОМ взмывал мощный бас Колюши. Несомненно, слово «ОРАНИЕ» обязано было его голосу, он был ОРАТЕЛЬ... ОР, ОРАНИЕ имело для них второй смысл – пахать, вкалывать» (Д. Гранин). Образование «второго смысла» – шаг семантической (вертикальной) деривации/мотивации, также имеющий свои собственные потенции горизонтального распространения. Таким образом, вертикальная деривация/мотивация в тенденции связана с

более глубинными изменениями лексического значения на уровне его «вещественного» ядра (глубина изменения позволяет фиксировать новизну, производность слова вне специальных показателей новизны, достаточным оказывается фиксация на уровне внешней сочетаемости лексем), горизонтальная деривация/мотивация выделяет содержательные типы на уровне отношений, составляющих лексическую спецификацию неизменной. В работе рассматриваются также другие аспекты противопоставления двух типов ЛМ (регулярность/нерегулярность, нейтральность/коннотативность и др.). Отмечается большое число промежуточных зон, члены которых совмещают свойства, характерные (в тенденции) для разных типов.

Предложенный в работе способ описания оппозиции двух форм ЛМ исходит из концепции языкового развития, в которой «производство языковых единиц интерпретируется как развитие некоторых исходных элементов языка» (Л. Н. Мурин), он отражает мотивологические представления об устройстве деривационно-мотивационной системы и противопоставлен в этом смысле дериватологическому способу описания данной системы, делающему акцент на возникновении нового.

Различие данных подходов проявляется и при описании структуры готовых мотиватов: в одном случае за исходный пункт берется мотивирующая база, восходящая к мотиватору (исходный элемент языка, получающий развитие в мотивате – горизонтальном «продолжении» мотиватора), в другом случае – мотивант (формант) как новационный элемент. В разделе 5.2. ряд проявлений различных способов описания деривационно-мотивационной структуры слова получает подробную характеристику.

Структурные элементы мотивата являются носителями системообразующей функции. Мотивирующая база в этом случае выступает в роли корня – общей части родственных слов. Ориентированный на связь с

другими словами корень функционирует как морфема, представляющая в лексике непрерывное начало, как участник НДМП. Как часть данного конкретного слова корень погружен в его индивидуальное (специфированное) значение, испытывает его влияние и имеет тенденцию к семантическому поглощению словом. В этом заключается одно из проявлений двойственной природы мотивирующей базы, о которой было сказано выше.

В соответствии с ней различаются два способа выхода корня за пределы данного мотивата в связи с его горизонтально-деривационным развитием (=два способа реализации системообразующих потенций морфемно-мотивационного плана слова): 1) необходимость деривационного развития «вытягивает» из мотивата корень в месте с приобретенной им в составе мотивата спецификацией, распространяет ее в лексическом континууме, 2) корень рассматривается как представитель в данном мотивате других слов, внешних по отношению к нему (прежде всего мотиватора); в этом случае выход корня в лексику сопровождается отвлечением от спецификаций. В первом способе формируется новый ряд, в основе которого лежит вертикальная деривация/мотивация по типу «ряд1 – ряд2». Во втором случае связываются уже известные единицы. Первый способ относится преимущественно к прогрессивно-перспективному развитию, второй – к ретроспективному, аналитическому (но не к регрессивному: морфемно-мотивационный план здесь активно функционирует в деривационных процессах, участвуют в выборе/создании лексических единиц на основе предшествующих суппозиций, развивает деривационно-мотивационный потенциал мотивата). Например: «Так ПРОТЕКАЛА мирная жизнь человека... и ДОТЕКЛА бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных по жизненной дороге,... действительным надворным и всяким СОВЕТНИКАМ, даже и тем, которые не дают никому СОВЕТОВ» (Н. Гоголь). Ряд ПРОТЕКАЛА – ДОТЕКЛА

иллюстрирует первый способ горизонтального развития слова (продление одного из частных значений исходного слова). Ряд СОВЕТНИК – СОВЕТ – второй способ (отвлечение от спецификации слова СОВЕТНИК; этот процесс можно интерпретировать и как семантическую редеривацию, т.е. деривацию в обратном направлении: от вторичного значения слова/корня СОВЕТ к первичному).

Таким образом, функционирование корня в рамках первого способа создает у каждого слова возможность быть источником (носителем потенций) деривационного развития слова. Оно служит основой выделения в лексической эпидигматике особых системных единиц – микроцепей, объединяющих эпидигматы с тождественным значением и реально взаимодействующих по этой причине в процессах порождения текста. Такие единицы являются единицами синхронной динамики в лексике. Их функциональность проявляется и в способности воздействовать на единицы диахронной динамики, какими, в частности, являются словообразовательные гнезда. В составе последних нередко происходит переорганизация по синхронным принципам, например, в гнезде с корнем ЗЛ-/ЗОЛ- «реальные цепочки формируются на базе специфицированных значений: «социальный аспект» (ЗЛО – ЗЛОСТНЫЙ, не ЗЛОСТЬ – ЗЛОСТНЫЙ, у которых нет тождества значения), «моральный аспект» (ЗЛОЙ – ЗЛОБА – ЗЛОБНЫЙ), «психологический аспект» (ЗЛОЙ – ЗЛОСТЬ).

В динамическом плане все аспекты системообразования такого типа непосредственно связаны с тенденцией языковой системы к саморегуляции. При этом речевая (текстовая) саморегуляция находит изоморфное соответствие со словарной. В основании данной тенденции лежат процессы взаимоприспособления эпидигматов друг к другу. Ср.: «...Человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором потускнел образ божий» (Ф. Достоевский): разное качество идиоматических приращений в

эпидигматах ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ и ОЧЕЛОВЕЧИТЬ в данном примере нейтрализуется, и они приводятся к одному семантическому знаменателю. Эти моменты обнаруживаются и в языковом взаимодействии эпидигматов, ср. сближение на базе переносного значения слов ГРОЗНЫЙ, ГРОЗИТЬ, УГРОЗА, ГРОЗА (пример Д.Н. Шмелева) или ГРОМАДНЫЙ, ОГРОМНЫЙ, НАГРОМОЖДЕНИЕ, РАССЧИТАТЬ и РАСЧЕТ, ПОДАТЛИВЫЙ и ПОДДАТЬСЯ и т.п. Важным свидетельством взаимодействия языковой и речевой системности лексемы в ее «третьем измерении» является окказиональная эпидигматизация созвучных слов в тексте, ср.: «На то и ПРОСВЕТЫ, чтобы ПРОСВЕТЛЯТЬСЯ» (А. Солженицын), «Дело литературы – дело ПРОСВЕЩЕНИЯ, дело ПРОСВЕТЛЕНИЯ человека» (Лит. газ.).

Второй способ поддерживает, на наш взгляд, синхронно-функциональную значимость готовых, диахронно сформированных словообразовательных гнезд и тем самым подтверждает сложную, неоднозначную природу генетического в языковой синхронии. Он в большей мере связан с ретроспективным направлением мотивации, причем ретроспекция нередко достигает первичного смысла мотиватора. Двойственность детерминации морфемно-мотивационного плана слова, исходящей из элементов данного конкретного мотивата или из его отношения к морфемно-мотивационной системе, определяет два слоя мотивационного значения, формирующегося как синтез значений морфемно-мотивационных элементов слова. В одном случае синтез осуществляется на основе «знаемого» значения данного слова, поставляющего мотивационному значению определенную синтезирующую часть, например, ФИГУРИСТ – «тот, кто занимается фигурным катанием». Речевое функционирование такого типа мотивационного значения, опирающегося на реальные и «знаемые» суппозиции, иллюстрируют следующий пример: «В эту ночь ей хотелось

ПОДЧИНЕНИЯ! Очень хотелось подчинить себя людям, которые бы знали что-то такое, чего не знала ... она сама (Г. Семенов). Пример показывает, что организации мотивационного значения участвует не только словарное значение мотивата и мотиватора, но и элементы всего контекста; мотиватор и мотиват функционируют на уровне контекстных значений. В другом случае синтез опирается на систему морфем и их сочетаемостные свойства: ФИГУРИСТ – «лицо, имеющее отношение к фигуре или чему-либо фигурному». В естественной речи такой тип самостоятельно, по-видимому, не выступает, являясь начальным этапом первого типа. Ср. процесс восприятия незнакомого слова, направленный на выявление реального значения, в следующем примере: «РЫБНО или УШНО?» – вдруг входит в мое сознание смысл его вопроса. У меня в руках спиннинг и у человека естественно вопрос к рыбаку: много ли рыбы поймал – РЫБНО ли, а то, может быть, баловство одно – УШНО, на УШИЦУ всего» (Г. Семенов). Роль данного этапа в восприятии известных слов подлежит специальному изучению. В разделе 5.2. анализируются некоторые проявления названных типов функционирования мотивационного значения и их языковые выходы.

В разделах 5.2.1. и 5.2.3. с функционально-семантической точки зрения характеризуется мотивант – «правая» часть мотивата, описывается процесс формирования статуса мотиванта, отходящего от лексического статуса (движение от номинативной функции к структурной, формально-классификационной, от отражательной семантики к значимости). Большинство аффиксов занимает промежуточное положение между названными полюсами, и это является отражением одного из направлений диахронной динамики, приводящей к возникновению элементов лексической деривации/мотивации как функционального языкового образования. Другой аспект двойственности семантики аффиксальной части мотивата – зависимость от его лексического значения, стремление раствориться в нем и

движение к независимости, поддерживаемой корреляцией с морфемно-словообразовательной системой языка.

Аналогичного рода двойственность обнаруживается и в сфере отношений словообразовательной мотивации как синхронного явления языка. Ее отражают различные подходы при их (отношении) фиксации. С одной стороны, направление мотивации устанавливается, исходя из функционально-семантических отношений однокорневых слов, в зависимость от них ставится структура слова, в частности, такие ее компоненты, как мотивирующая база, формант, мутации мотивирующей базы (усечения, наращения и т.п.), например, НИТКА – НИТЬ, ДУРАК – ДУРА, РАССЛЕДОВАТЬ – СЛЕДОВАТЕЛЬ, ЛИСА – ЛИС, ВЛЮБИТЬСЯ – ВЛЮБИТЬ. С другой стороны, исходя из структуры, подбираются объясняющие ее отношения (в первую очередь формальные, которые затем семантизируются с учетом системного значения осложняющего компонента), например, ВЛЮБИТЬ – ВЛЮБИТЬСЯ со значением возвратности и нейтрализацией значения каузативности невозвратного глагола (Е.А. Земская), ДУРА – ДУРАК, ЛЮБИТЬ – ВЛЮБИТЬ и т. п. В разделе 5.3 анализируются различные проявления лексико-мотивационного и морфемно-мотивационного аспектов ЛМ в языке, обосновывается мнение об их относительной независимости и неизбежности асимметрии соответствующих сторон во многих мотиватах. Отсюда внутренняя противоречивость ряда алгоритмов установления направления словообразовательной мотивации, стремящихся к компромиссу названных подходов. В то же время их объяснительные возможности для разных типов соотношения мотивата и мотиватора неодинаковы. Это свидетельствует о том, что описание взаимодействия лексико-мотивационной и морфемно-мотивационной сторон ЛМ должно осуществляться на основе принципа дополнительности (Н. Бор).

В «**Заключении**» подводятся основные итоги исследования, обобщаются его результаты, в комплексной форме дается очерк особенностей функционально-динамического моделирования ЛМ, определяются его основные направления.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Динамический аспект лексической мотивации. - Томск: Изд-во ТГУ, 1989. - 252 с.
2. Функции мотивации и народная этимология // Вопросы языка и его истории. - Томск: Изд-во ТГУ, 1972. - С. 38-47.
3. Способы номинации и синонимия // Вопросы языка и его истории. - Томск: Изд-во ТГУ, 1972. - С. 149-161.
4. О принципах номинации и методе их исследования // Материалы науч. конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5: Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. - Томск: Изд-во ТГУ, 1972. - С. 94-99.
5. «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. - №8-9. - Свердловск: Изд-во УрГУ, 1974. - С. 88-98.
6. Окказиональное словообразование как тип речевой номинации предметов // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. - Вып. 1. - Томск: Изд-во ТГУ, 1976. - С. 15-24.
7. О способе номинации // Вопросы русского языка и его говоров. - Томск: Изд-во ТГУ, 1976. - С. 93-100.
8. О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. - Вып. 7. - Томск: Изд-во ТГУ, 1977. - С. 21-26.

9. Типы реализации предметных мотивирующих значений в производной лексике русского языка // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. - Вып. 3. - Томск: Изд-во ТГУ, 1979. - С. 11-20.

10. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. - Томск: Изд-во ТГУ. - 1981. - С. 17-28.

11. К типологии формальной мотивации (типы мотивирующих баз в русском языке) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках (семантический аспект). - Томск: Изд-во ТГУ, 1983. - С. 16-28.

12. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (наблюдения над ролью прагматического фактора) // Русские говоры населения Сибири. - Томск: Изд-во ТГУ, 1983. - С. 76-88.

13. Опыт описания региональных адъектонимических систем: Лексико-семантический аспект мотивации (на материале русских адъектонимов Алтайского края) // Сибирские русские говоры: Сборник статей / Под ред. В.В. Палагиной. - Томск: Изд-во ТГУ, 1984. - С. 45-59.

14. О семантических типах мотивационных отношений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках (форма и значение). - Томск: Изд-во ТГУ, 1985.- С. 31-42.

15. «Мотивационный диалектный словарь» (рецензия) // ИЗВ. СО АН СССР. Сер. истор., филол. и филос. Вып.1. – Новосибирск, 1985. – С. 62 – 63.

16. К соотношению лексической и словообразовательной мотивации (функциональный аспект) // Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. научных статей. - Ташкент: Укитувчи, 1985. - С. 117-124.

17. Принципы мотивационного анализа лексики // Методы изучения лексики языка: Коллективная монография / Отв. ред. А.Д. Зверев. Черновцы: Черновицкий университет, 1987

18. О некоторых типах мотивирующих единиц в русском языке // Вопросы словообразования и формообразования в индоевропейских языках. - Томск: Изд-во ТГУ, 1988. - С. 126-135.

19. О роли морфемно-мотивационного плана лексических единиц в процессе порождения речи // Русский язык в Казахстане и проблемы казахско-русского двуязычия: Тезисы Первой Республиканской конференции (7-8 апреля 1988). - Алма-Ата: Наука, 1988. - С. 60-61.

20. Динамическая основа тенденции к мотивированности в лексике // Деривация в речевой деятельности (языковые единицы): Тезисы научно-теоретической конференции (3-6 октября 1988). - Пермь: Изд-во ПермГУ, 1988. - С. 67-68.

21. Детерминационный аспект текстовой эпидигматики // Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции «Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур (Текст. Коммуникация. Перевод)». - Ч.1. - Казань: Изд-во КазГУ, 1989. - С. 27-29.

Подписано в печать 19.02.91. Формат 60*90/16. Бумага писчая. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ 100-91. Бесплатно.

Лаборатория множительной техники АГУ:
6565099, Барнаул, ул. Димитрова, 66